

О.А. Селеменова
O.A. Selemenewa

УЗУАЛЬНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФИТОНИМЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДЕКОРАТИВНЫЕ ТРАВЯНИСТЫЕ РАСТЕНИЯ» В ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА

THE USUAL AND OCCASIONAL PHYTONYMS OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP "ORNAMENTAL HERBACEOUS PLANTS" IN I.A. BUNIN'S LYRICS

Статья посвящена проблеме лексического состава писательского языка И.А. Бунина, в частности поднимается вопрос фитонимического инструментария его поэтических текстов. Актуальность темы обусловлена интересом лингвистов к единицам различных лексико-семантических полей («Растительный мир», «Атмосферные явления», «Животный мир» и др.), репрезентирующих один из ключевых концептов индивидуально-авторской художественной картины мира – концепт «Природа». Источником исследования выступило научное собрание сочинений лирики И.А. Бунина под редакцией Т.М. Двинятиной (2014 г.). Установлено, что фитонимический инструментарий Бунина-поэта включает более 230 номинаций растений, которые благодаря дифференцирующим семам типа 'наличие съедобных плодов', 'форма листьев', 'свойство растения', 'строение' и их сочетаниям можно распределить по 22 лексико-семантическим группам. В работе подвергается анализу лексико-семантическая группа «Декоративные травянистые растения». Отмечено, что она состоит из 19 фитонимов, которые делятся на две неравные в количественном отношении подгруппы: узуальные (95 %) и окказиональные (5 %). Узуальные фитонимы (астра, герань, мальва, резеда и др.) в основном этимологически восходят к латинскому языку и фиксируются в «Русском семантическом словаре» под ред. Н.Ю. Шведовой, «Словаре языка поэзии Ивана Бунина» Г.С. Журавлевой и Р.И. Хашимова, ботанических справочниках и энциклопедиях; окказиональный же фитоним создан для конкретного контекста (стихотворения «Сон-цветок» 1901 г.) и функционирует в нем. Описаны различные синтагматические связи фитонимов. Атрибутивные словоформы в некоторых контекстах помогают установить референтов фитонимов, которыми не всегда выступают декоративные травы. Автором отмечена точность Бунина-поэта в выборе того или иного фитонима рассматриваемой лексико-семантической группы, а также выявлены некоторые переносные значения, реализуемые номинациями растений (мак, лилия, гиацинт) в стихотворениях.

Ключевые слова: поэзия И.А. Бунина, лексико-семантическая группа, фитоним, узуальная единица, окказионализм, синтагматика.

The article examines the problem of the lexical composition of I.A. Bunin's literary language, in particular, the question of the phytonymic tools of his poetic texts. The

relevance of the topic is due to the interest of linguists in the units of various lexical and semantic fields ("Flora", "Atmospheric phenomena", "Animal world", etc.), representing one of the key concepts of the individual author's artistic worldview which is the concept of "Nature". The source of the research was the 2014 scientific collection of I.A. Bunin's works, edited by T.M. Dvinyatina. It has been established that Bunin-poet's phytonymic toolkit includes more than 230 plant categories, which, thanks to differentiating semes such as "the presence of edible fruits", "leaf shape", "plant property", "structure" and their combinations, can be divided into 22 lexico-semantic groups. The lexical-semantic group "Ornamental herbaceous plants" is analyzed in the work. It is noted that it consists of 19 phytonyms, which are divided into two quantitatively unequal subgroups: usual (95 %) and occasional (5 %). The usual phytonyms (aster, geranium, mallow, mignonette, etc.) etymologically go back mainly to Latin and are recorded in the "Russian Semantic Dictionary" edited by N.Y. Shvedova, "Dictionary of the Language of Poetry of Ivan Bunin" by G.S. Zhuravleva and R.I. Hashimov, botanical reference books and encyclopedias; the occasional phytonym was created for a specific context (the poem "Son-tsvetok" of 1901) and functions in it. Various syntagmatic connections of phytonyms are described namely attributive and predicative. It is the attributive word forms that in some contexts help to establish the referents of phytonyms, which are not always ornamental grasses. The author noted the accuracy of I.A. Bunin in choosing one or another phytonym of the lexico-semantic group under consideration, and also identified some figurative meanings realized by plant nominations (poppy, lily, hyacinth) in the texts.

Key words: I.A. Bunin's poetry, lexico-semantic group, phytonym, usual unit, occasionalism, syntagmatics.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-65-2-13-19

Известные литераторы (Г.В. Адамович, Ю.И. Айхенвальд, Ф.А. Степун, В. Ф. Ходасевич и др.) в рецензиях и статьях, посвященных прозе и поэзии И. А. Бунина, неоднократно высоко оценивали его талант как «певца природы», создателя пейзажа, восхищающего читателей реалистичностью, эмоциональностью, удивительным сочетанием красок, звуков, запахов [8, 3]. Поэтому неслучайно, что в художественной индивидуально-авторской картине мира Бунина одним из ключевых концептов выступает концепт «Природа». Он репрезентируется совокупностью словесных и сверхсловных номинаций, среди которых называются имена существительные лексико-семантических полей «Атмосферные явления», «Водная стихия», «Животный мир», «Растительный мир» (*море, вода, океан, снег, закат, солнце, поле, земля, луг, собака, соболь, лес, сирень* и др.); астрономы (*Сириус, Юпитер, Орион* и др.); сложные эпитеты (*зеркально-телесный, выпукло-полный, изумрудно-бархатный* и др.); сравнительные обороты (*лес = стеклянные чертоги, море = жемчужное зеркало* и др.) и т.п. [1, 6–10].

Единицы лексико-семантического поля «Растительный мир», отдельные фитонимы и некоторые пласты фитонимической лексики, уже попадали в фокус лингвистических исследований Н.А. Кожевниковой, Т.А. Павлюченковой, Ю.Ю. Саввиной, О.В. Четвериковой, С.А. Шириной и др. [10–11; 13–14; 15]. Хотя системного описания в рамках всего художественного наследия писателя фитонимы пока так и не получили, ученые все же пришли к некоторым частным выводам: своеобразие образных соответствий природных реалий типа *листья, лес, цветок* [10, 690]; развитие Буниным-поэтом фетовского стилистического приема «вариативного» обозначения одного и того же объекта растительного мира (*липа – липник, липка*) [11, 45–47]; присутствие в художественных текстах И.А. Бунина диалектных номинаций растений (*араней, баранчик, татарка* и др.) [13, 239–240]; заметная роль фитонимов в выражении «мотива красоты родной природы, любви к малой родине» и «внутреннего состояния персонажа» [14, 53]; создание

посредством олицетворения, метафоризации, сравнений флористических образов-символов *ландыш, береза* «в русле традиционной символики» [15, 155].

По нашим наблюдениям, фитонимический инструментарий Бунина-художника богат и разнообразен. Обращение к научному двухтомному изданию его лирики под редакцией Т.М. Двинятиной [2], в состав которого вошли стихотворения, включенные в авторские издания (754), опубликованные только в периодике или вообще не отданные в печать (148), а также наброски, отрывки неоконченных лирических произведений (63), подтверждает сделанный вывод. Методом сплошной выборки из указанного издания была составлена авторская картотека примеров объемом в 237 лексем. Эти единицы относятся к разным лексико-семантическим группам (далее – ЛСГ). Дифференцирующими семами для номинаций растений выступают 'наличие / отсутствие съедобных плодов', 'форма листьев', 'сезонность', 'свойство растения', 'характер произрастания', 'строение', 'продолжительность жизни', 'характер роста' и др.: ЛСГ «Неплодовые лиственные деревья» (*акация, береза, бук, верба, ива, клен, лавр, липа, мимоза, мирт, ольха, осина* и др.); ЛСГ «Хвойные деревья» (*ель, кедр, кипарис, лиственница, пихта, сосна, тис* и др.); ЛСГ «Декоративные и плодовые кустарники» (*вереск, дрок, жасмин, калина, можжевельник, олеандр, сирень* и др.); ЛСГ «Зерновые культуры» (*горох, гречиха, кукуруза, овес, пшеница* и др.); ЛСГ «Водные травянистые растения» (*куга, купава, осока, лотос* и др.); ЛСГ «Растительные сообщества» (*березняк, бор, вишневик, дубрава, ельник, осинник* и др.); ЛСГ «Партитивные фитонимы» (*колос, лепесток, лист, стебель, сук, шип, шишка* и др.) и т. д. Например:

Темный **ельник** снегами, как мехом,
Опушили седые морозы,
В блестях инея, точно в алмазах,
Задремали, склонившись, **березы** [2, т. 1, 101];
Пахнет медом, зацветает –
Белая **гречиха**... [2, т. 1, 149].

Если в первом примере из стихотворения «Крещенская ночь» (1886–1901 гг.) употребляются фитонимы, принадлежащие к ЛСГ «Растительные сообщества» (*ельник* – 'еловый лес' [7, ч. 1, 294]) и ЛСГ «Неплодовые лиственные деревья» (*береза* – 'лиственное дерево с белой кроной' [7, ч. 1, 42]); то во втором примере из стихотворения «Гаснет вечер, даль синее...» (1892 г.) функционирует фитоним ЛСГ «Зерновые культуры» *гречиха* ('полевое травянистое крупяное и медоносное растение' [7, Ч. 1, 224]).

Среди выделенных в бунинской поэзии групп фитонимов присутствует ЛСГ «Декоративные травянистые растения», включающая 19 номинаций: *астра, василек, герань, гиацинт, колокольчик, ландыш, лилия, мак, мальва, медуница, настурция, подснежник, резеда, ромашка, сон-цветок, тюльпан, фиалка, хризантема* и *шпажник*. Большинство номинаций в приведенном ряду узусальные (95 %), воспроизводимые и общеупотребительные в русском языке, фиксируемые в толковых, семантических словарях, словаре языка писателя, ботанических справочниках и энциклопедиях: *астра* (лат. *Aster*) – 'травянистое декоративное растение семейства сложноцветных с цветками различной окраски без запаха' [7, ч. 1, 22]; *василек* (лат. *Centaurea*) – 'травянистое растение семейства сложноцветных с синими цветками, встречающееся преимущественно среди посевов озимых хлебов' [7, ч. 1, 89]; *герань* (лат. *Geranium*) – 'травянистое растение с пахучими листьями' [7, ч. 1, 185]; *колокольчик* (лат. *Campanula*) – 'травянистое растение с лиловыми или темно-голубыми цветками, по форме похожими на маленькие колокола' [12, 541]; *мальва* (лат. *Málva*) – 'травянистое декоративное растение с высоким стеблем и крупными цветками' [7, ч. 1, 540]; *резеда* (лат. *Reséda*) – 'травянистое растение семейства резедовых, у которого мелкие цветки, собранные в плотные кисти, обладают интенсивным запахом' [4, 245–246] и т. д. В подгруппе узусальных номинаций растений обнаруживается интересная лексема *шпажник* из стихотворения И.А. Бунина 1907 г. «Рыбалка». Ее этимологию

Л.А. Введенская и Н.П. Колесников возводят к лексеме «шпага», поскольку листья растения длинные, узкие, напоминающие колющее холодное оружие [3]:

В болоте лесном, под высоким коричневым **шпажником**,
Где цепкая тина с листвою купав сплетена,
Все лето жила, тосковала о дружке она,
О дружке, убитой заезжим охотником-бражником [2, т. 2, 42].

Г.С. Журавлевой и Р.И. Хашимовым в «Словаре языка поэзии Ивана Бунина» в качестве референта фитонима указывается *гладиолус*, т. е. 'травянистое растение с мочевидными листьями и крупными цветками разнообразной окраски' [7, ч. 2, 765]. Аналогичной точки зрения придерживается и Т. М. Двинятина, много лет занимающаяся текстологией поэзии И.А. Бунина [2, т. 2, 371]. Однако Т.А. Павлюченкова полагает, что *шпажником* Бунин-поэт именует в контексте совсем другое растение – *рогоз* [11, 37–38]. Ученый аргументирует свой вывод тем, что в стихотворении «речь идет о *высоком* растении, которое растет в *болоте*, и к тому же *коричневое*» [11, 38]. Иными словами, внешнее описание шпажника соответствует именно рогозу, что свидетельствует об осуществлении Буниным-поэтом метафорического переноса внутри своей же индивидуально-авторской фитонимической сферы. Однако признаки «*высокий*» и «*растет в болоте*», указанные Т.А. Павлюченковой, не могут выступать весомыми аргументами в пользу однозначного признания референтом лексемы *шпажник* в стихотворении «Рыбалка» прибрежно-водной или болотной многолетней травы (рогоза). Ведь не учитывается следующий факт: существует вид шпажника болотного, который как раз достигает в высоту до 60 см., имеет соцветие колос и растет на болотах и в сырых лугах [5, 481]. И лишь третий признак «*коричневое*» (в контексте фитоним согласуется с колоративом *коричневый*) является решающим, поскольку цветки шпажника болотного имеют темно-пурпурный, а не коричневый цвет. Получается, что в изолированном положении фитоним *шпажник*, опираясь на данные словарей, можно включить в ЛСГ «Декоративные травянистые растения», а с учетом контекстуального употребления – уже в ЛСГ «Водные травянистые растения». В целом хочется отметить единичность подобных метафорических переносов. И.А. Бунин обычно в выборе фитонимов очень точен, у него трудно найти смешение или замену номинантов растительных реалий. Так, в уже упомянутой ЛСГ «Водные травянистые растения» четко разграничиваются фитонимы *камыш*, *осока* и *тростник*, которые носители русского языка часто путают из-за одинаковой среды обитания и схожести внешнего вида:

Там, на припеке, спят рыбацкие ковши;
Там низко над водой склоняются кистями
Темно-зеленые густые **камышы**... [2, т. 1, 266];
Скачет князь мелколесьем, по топям, где сохнет **осока** [2, т. 1, 305];
И, как в зеркале, меж **тростников**,
С берегов опрокинулся лес... [2, т. 1, 104].

Более того, даже внутри рассматриваемой ЛСГ «Декоративные травянистые растения» Бунин-поэт различает виды одного растения благодаря атрибутивным лексемам и еще раз доказывает свое мастерство создателя детализированного пейзажа. Например, ср.:

На помории далеком,
В поле, ровном и широком,
Белый мак цветет... [2, т. 2, 133];

Алый мак во ржи мелькает – лепестки огня [2, т. 2, 47].

Фитонимом *мак* обозначается один и тот же род травянистых растений семейства маковых (лат. *Papaver*), но признаковые препозитивные лексемы в стихотворениях «На поморьи далеко...» (1916 г.) и «Балагула» (1907 г.) указывают на разные однолетние и многолетние виды мака. Вероятно, *белый мак* – мак амурский, растение с клиновидной листовой пластиной и большими белыми цветками, которое обычно встречается на Дальнем Востоке, включая Приморский край; а вот *алый мак* (у Бунина еще встречаются варианты *красный*, *огненный мак*) может быть и маком полевым, и гибридным, т. е. тем видом, который имеет крупные ярко-красные цветки и в изобилии произрастает на берегах Днестровского лимана, близ упоминаемого И.А. Буниным в контексте стихотворения «Балагула» Аккермана.

Атрибутивные лексемы, используемые Буниным-поэтом при фитониме, помогают в некоторых случаях определить с его референтом. Показателен в этом плане фитоним *лилия* (лат. *Lilium*), референтом которого, согласно данным словарей, выступает 'луковичное растение с прямыми стеблем и крупными цветками в виде колокола' [7, ч. 1, 514]. Однако у И.А. Бунина встречаем такой контекст:

Как огонь,
Пылают чаши **лилии ползучей**... [2, т. 2, 145].

В примере из стихотворения «Цейлон» (1916 г.) препозитивная признаковая лексема *ползучая* в значении 'стелющийся по поверхности чего-либо и укореняющийся при помощи придаточных корней' указывает на лазящее тропическое травянистое растение с цветками, очевидно, *глориозу* (лат. *Gloriosa*). Именно она произрастает в Непале, на Малабарском берегу (юго-запад полуострова Индостан) и Шри-Ланке. В бунинском контексте чаши растения сравниваются с огнем. Действительно, раскрытый цветок глориозы напоминает пламя, поэтому ее называют «лилией пламени». Исходя из всего сказанного, фитоним *лилия ползучая*, референтом которой выступает лиана, включается не в состав ЛСГ «Декоративные травянистые растения», а в состав ЛСГ «Вьющиеся растения».

Контексты, в которых даже признаковые лексемы не позволяют однозначно «опознать» номинируемое растение, в поэзии И. А. Бунина встречаются sporadически. Например:

Ты знала ли, Мать, что и я
Восславлю его, – что не надо мне рая,
Христа, Галилеи и **лилий** ее **полевых**... [2, т. 2, 144].

В приведенном примере из стихотворения «За степью, в приволжских песках...» (1916 г.) сочетание уже рассмотренного выше фитонима *лилия* и постпозитивной лексемы *полевых* служит явной отсылкой к библейскому тексту – Евангелию от Матфея 6:28-29 [6]. Однако ни в Библии, ни в бунинском стихотворении не удастся из-за отсутствия каких-либо дополнительных признаков точно установить референта фитонима. В качестве возможных вариантов *полевых лилий* в Библии Дж. Канцлер предлагает ромашку белую, палестинскую анемону (ветреницу) [16, 42].

Окказиональные фитонимы в ЛСГ «Декоративные травянистые растения» представлены единичным примером (5 %) – лексемой-компонитом *сон-цветок* из одноименного стихотворения 1901 г. Определить референта билексемы помогает совокупность признаков, упомянутых в контексте: «*живой, но сухой*», «*поздним летом в степи ... одиноко цветет*» [2, т. 1, 232]. Такому почти ботаническому описанию соответствует *цмин* (лат. *Helichrysum*), *сухоцвет*, травянистое растение, соцветия которого не вянут даже тогда, когда срезаны, и который встречается на открытых пространствах в степях, в полупустынях, на песчаных и каменистых склонах [9, 404–406]. В основе индивидуально-авторского фитонима лежит атрибутивная модель, включающая две разнокорневые лексемы, не являющиеся синонимичными, не выражающие обобщенное родовое понятие, но сближающиеся на основе оценочной характеристики.

Фитонимические единицы *гиацинт*, *мак*, *лилия* в поэзии И.А. Бунина употребляются не только в прямых, но и переносных значениях: *гиацинт* – 'красное, оранжевое и желтое разноцветие', *мак* – 'кровь', *лилия* – 'луна':

...Шум и свежесть валов, что, как сосны, шумят за стеной,
И небес гиацинт в снеговых облаках надо мной [2, т. 2, 172];
Я спросил: «На цветы?» И услышал в ответ: «Господин!
Это праотцев след,
Кровь погибших в боях. Каждый год, как весна,
Красным маком восходит она» [2, т. 2, 38];
Мне кажется, луна оцепенеет:
Она как будто выросла со дня
И допотопной лилией краснеет [2, т. 1, 253].

В заключение отметим, что синтагматические связи фитонимов ЛСГ «Декоративные травянистые растения» с прилагательными и глаголами с семой 'цвет' типа *белая*, *красный*, *огненный*, *синий*, *рдеть*, *краснеть*, *гореть*; семантическое согласование фитонимов и предикативов, проявляющееся в наличии общей семы 'раскрываться, распускаться' (*подснежники цветут*, *хризантемы расцвели*, *цветут фиалки*, *мак цветет*, *васильки зацветают* и др.); связи фитонимов с предикативом со значением 'издавать запах' (*пахнет резедой*, *медуница пахнет*) способствуют созданию пейзажа как результата зрительных и обонятельных впечатлений Бунина-поэта, для которого каждый флористический образ прекрасен и гармоничен.

1. Богданова Н.В. Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И.А. Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2007.
2. Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинагиной. СПб., 2014.
3. Введенская Л., Колесников Н. Когда легко быть этимологом // Русский язык. 7 марта 2000. № 5/35. URL: <https://old.relga.ru/n35/rus35.htm> (дата обращения: 13.12.2024).
4. Вермейлен Н. Полезные травы. Иллюстрированная энциклопедия: пер. с англ. Б.Н. Головкина. М., 2002.
5. Губанов И.А. *Gladiolus palustris* Gaudin – Шпажник болотный // Иллюстрированный определитель растений Средней России: в 3 т. Т. 1: Папоротники, хвощи, плауны, голосеменные, покрытосеменные (однодольные). М., 2002. С. 481.
6. Евангелие от Матфея, глава 6 // Православный портал «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/biblio/?Mt.6&r> (дата обращения: 04.03.2025).
7. Журавлева Г.С., Хашимов Р.И. Словарь языка поэзии Ивана Бунина: в 2 ч. М., 2015.
8. Иванова Д.М. Мифопоэтический и философско-эстетический аспекты воплощения образа природы в прозе И.А. Бунина: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Елец, 2004.
9. Кирпичников М.Э. Род 1493. Цмин, Бессмертник – *Helichrysum* Mill // Флора СССР: в 30 т. Т. 25. М.; Л., 1959. С. 404–430.
10. Кожеевникова Н.А. Избранные работы по языку художественной литературы / под общ. ред. З.Ю. Петровой. М., 2009.
11. Павлюченкова Т.А. Фитонимическая лексика в языке поэзии И.А. Бунина // Известия Смоленского государственного университета. 2014. № 2 (26). С. 35–48.
12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002.
13. Саввина Ю.Ю. Фитонимы в произведениях И.А. Бунина // Иван Бунин в духовно-культурном пространстве современности: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию вручению Нобелевской премии писателю. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 239–242.

14. Четверикова О.В. Топофлоризмы в семантическом пространстве стихотворений Ивана Бунина // *Приоритетные направления: от теории к практике*. 2016. № 24-2. С. 49–54.
15. Ширина С.А., Гремячих Е.А. Особенности создания флористических образов в лирике И.А. Бунина // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 3. С. 154–157.
16. Chancellor J. *The Flowers and Fruits of the Bible*. New York: Beaufort Books, Inc., 1982.